

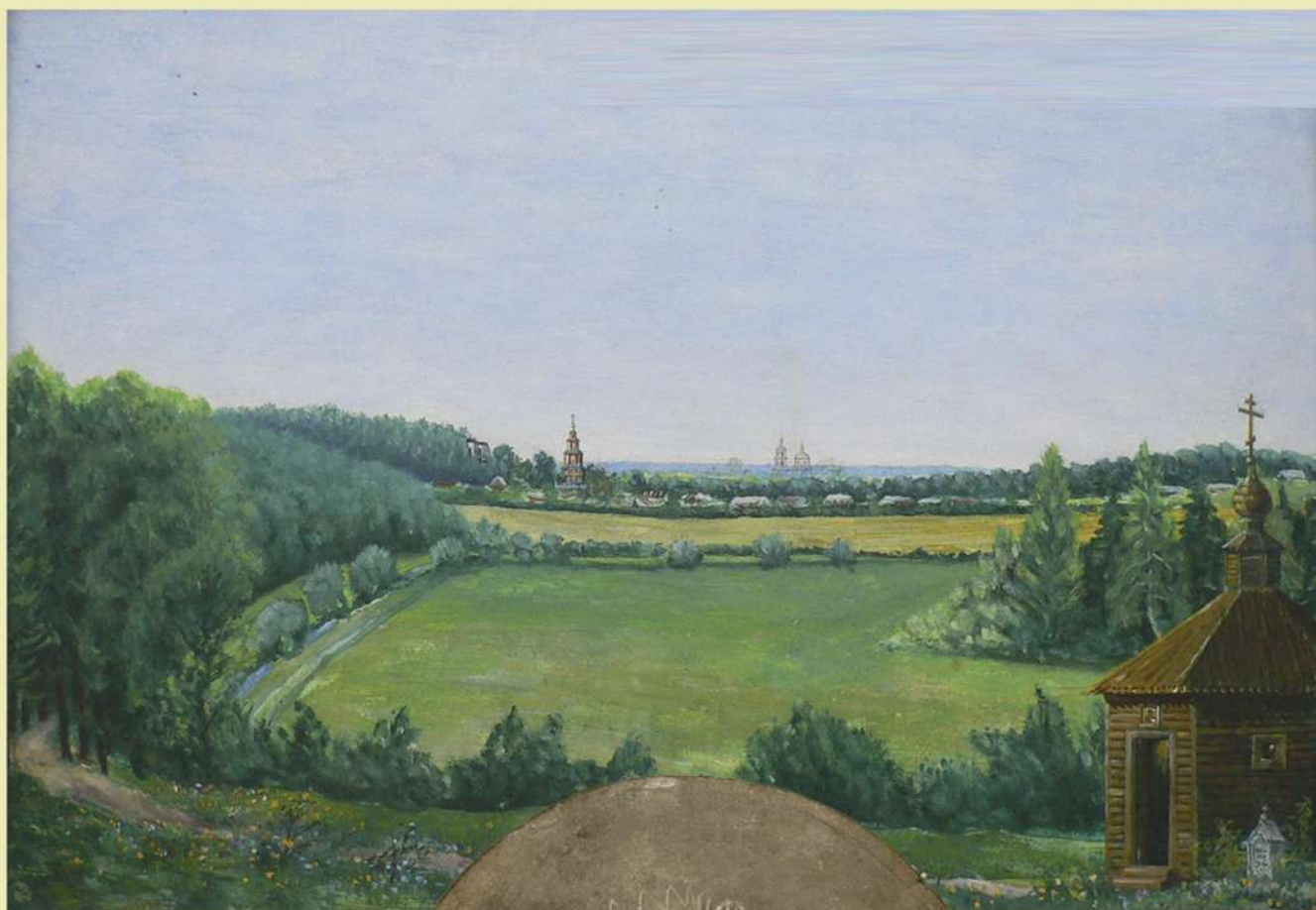
Погост ПОКРОВА

В.В. Щёголев

Место, известное людям палеолита.

Погост Покрова – Козлов Брод Симсона?

Современники называют это место «под Чаплино» и «Темные Ясли»

Погост ПОКРОВА

что на реке на Нары

Вид на погост Покрова с левого берега Нары. 2011 г..

На обложке:

Щёголев В.А. Вид с погоста Покрова на долину Нары в сторону с. Курилова.

Масло. 1990-е гг. Рисунок по памяти.

ДРЕВНЕЕ ГОРОДИЩЕ – Козлов Брод

Погост находился на высоком правом берегу Нары, с которого открывается перспектива на цепочку храмов вверх по реке: церкви Благовещения в Курилово, Ильи Пророка в Субботниках, Троицы в Троице и Николая Чудотворца в Тарутино и вниз по течению – Спаса на Темне. В то же время церковь Покрова находится в месте слияния двух речек, текущих в меридианном направлении. С севера на юг течет река Хоросинка, исток которой отмечен ц. Николая Чудотворца в Стремилowo и далее, путь к Москве. С противоположной стороны течет р. Глинца (Козловка, Покровка), близь истока которой стоит ц. Спаса Преображения (Георгиевская) в с. Буриново на реке Аложе, ведущая к реке Протве и к бывшей столице Оболенского княжества г. Оболенску (1146 г.).

Как правило, погосты – места древнейших поселений. Не исключение и погост Покрова. В 1997-98-х годах Михаилом Владимировичем Железняком, археологом-любителем здесь были найдены предметы, указывающие на то, что наши места давно облюбованы человеком.

Самые древние артефакты каменного века – стрелчатый скребок, бликий к предметам Зарайской стоянки и Карачкрово и обломок наконечника стрелы. Этот обломок с двух сторон обработан плоской ретушью. Длина >40 мм. По определению В.В. Сидорова это образец волосовской культуры середины III т.л. до н. э. «качество отличное, таких у них 10-15%. Вкладах и погребениях бывают только такие же».

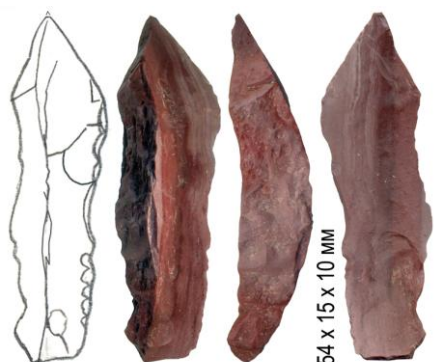
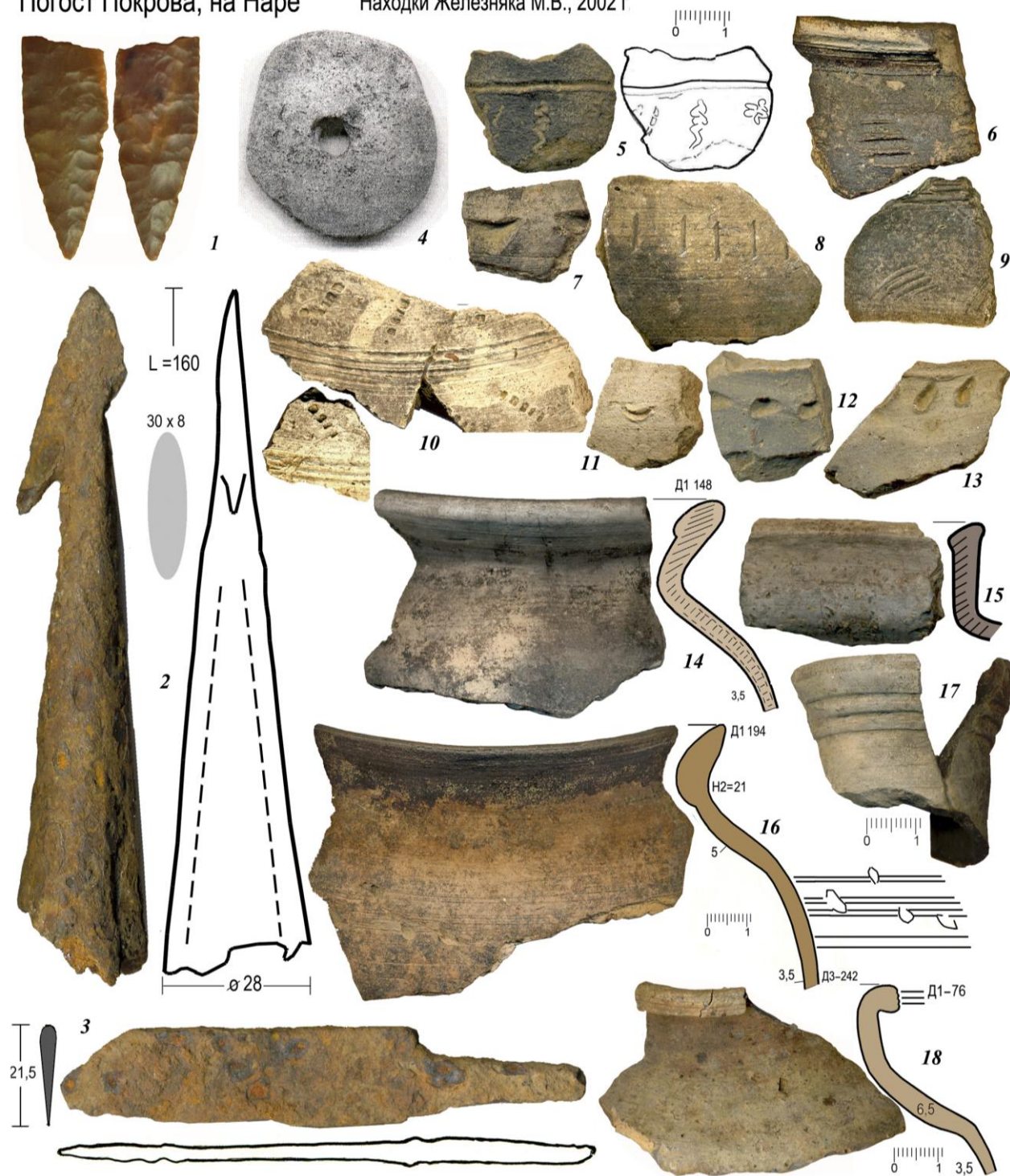
Вероятно к наследию дьяковской культуре относится белоглиняная фигурка медведя. «В IV–V вв. н.э. в Москворечье наблюдается своеобразный «бум» мелкой глиняной пластики. По-видимому, какие-то важные события происходили в религиозной сфере, местный культ получил уникальное для лесной зоны Восточной Европы материальное выражение. Это еще раз указывает на то, что население, проживавшее в Москворечье, имело явную культурную обособленность от соседей. Находки глиняных статуэток распространены очень неравномерно. Они концентрируются всего на нескольких городищах. Это Дьяково, Троицкое, и в бассейне Пахры: Луковня, Щербинское, Кузнечики, Борисоглебское, Успенское, являвшиеся, видимо, поселенческо-сакральными центрами москворецкого региона в это время» (Кренке. 2011, с.224).

Культ животных, возник в первобытном обществе. Предметом культа служили прежде всего животные, охота на которых являлась источником существования человека. Почитались также некоторые звери и птицы, считавшиеся старшими, хозяевами. Тогда же сложились и представление о родстве группы людей с каким-либо видом почитаемых животных – тотемом, с которым были связаны определённые обряды. Медведь – наиболее почитаемое животное у финно-угров. Он герой многих сказок поверий и обрядовые действия, которые наблюдались еще в начале XX в.

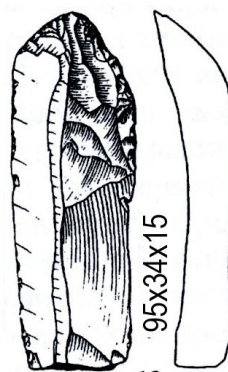
Наша фигурка изображает медведя (напоминает Винни Пуха – героя известного мультфильма или олимпийского мишку – сходная степень обобщения). Медведь в финно-угорской мифологии – хтоническое животное. Он соединяет земной и потусторонний мир. Поэтому находка фигурки на территории погоста, указывает на её культовое назначение (Мифы финно-угров).

Обломок стрелы кремниевый (насад) волосовской культуры, сер. III т.л. до н.э. **2.** Втульчатый дротик - римский пилум, с III века н.э. и до IX в. не доживает. Один шип обломан. **3.** Нож-косарь черенковый. Применялся, очевидно, для расщепления дерева (XIII-нач. XIVв.). Аналог см. Седов В.В., 2007. **4.** Пряслице XIII-XV вв. **5-13.** Керамика XIV-XV вв., орнаментированная разными штампами и вдавлениями. **14, 18.** Сероглиняная керамика XIII-XIV вв. **15.** Красноглиняная грубая XIV-1пол.XVв. **16.** Красноглиняная гладкая 2 пол. XV-XVI вв. **17.** Раструбовидный с трубчатой шейкой венчик узкогорлого кувшина (XVI- XVII вв.)

Артефакты, кроме пунктов 3,14,15,18, атрибутированы В.В. Сидоровым, кандидатом исторических наук Института археологии РАН, г. Москвы. За помощь и консультацию выражаем ему огромную благодарность.

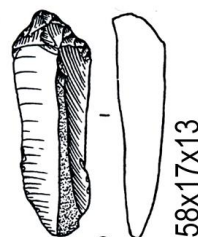

Погост Покрова. 2011г. Стрельчатый скребок

Зарайская стоянка.

25-15 тыс. л. н.

Карачарово

15 тыс. л. н.

Не исключена и преемственность от ранее живших здесь племён. Так например, культ медведя прослеживается в погребальном обряде фатьяновской культуры (Крайнов Д.А. 1972).

Время её изготовления, по всей видимости, ограничено бытованием белоглиняной грубой керамики. Для московского региона это 2-я половина XV-XVI вв. Поскольку в ближнем Подмосковье белой глины почти нет, то её привозили либо из Гжели, либо из Коломны. Однако, в древностях севернее расположенного селища Щапово (XIII-XIV вв.) белоглиняная керамика составляла 3,5%.

Глиняная скульптура медведя. Погост Покрова. 2009 г.

В рышковских находках, относящихся к 1-й половине XII в. есть фрагмент белоглиняного сосуда, с дресвой в тесте, не полного обжига, при весьма тонкой стенке (3,5-5мм), потому что белоглиняная посуда требует высокой температуры обжига до 700-1000°C. В печи такую температуру достичь трудно – требовался горновой обжиг. В наших краях горны были не в диковинку. В с. Беницы функционировал горн, относящийся к X-XII вв. (см. ниже). Кроме того, в наших местах много голубой глины, которая после обжига придаёт изделию цвет от белого до серого. Назовём места и в долине р. Нары, где есть выходы белой глины. Например, вблизи с. Райсемёновского, в берегах ручья есть очень хорошая белая глина. В высохших прудах, между «Савиной» и «Грушиной» лощинами, где раньше стояли плотины – кругом белая глина. Есть она и около д. Игнатьево, в овраге Ребруша, близ д. Нижнее Шахлово и в Новосёлковском овраге. Здесь мы ссылаемся на книгу Б.С. Мамонтова «Южный берег Московии».

Наконец, совсем рядом от погоста Покрова, на противоположном берегу Нары есть место, которое так и называется «Белая глина». Грех не воспользоваться.

Из металлических изделий интересен втульчатый наконечник копья. **По мнению В.В. Сидорова, это «втульчатый дротик – римский пилум, довольно распространённое оружие, фактически общеевропейское, появляется на городищах с 3 в. н.э. до 9 в. не доживает. Он был с двумя шипами, а не с одним. Просто обломан».**

Другой редкий предмет – нож-косарь Ближний аналог есть в Изборске, но у него ступенчатый переход к черешку и от лезвия, и со спинки. Такие ножи бытовали в XIII - нач. XIV вв. (Седов, 2007, с.254, 258, рис.272: 6).

Примечательны одинаковые по размеру каменное и железное ядра. Так как они найдены в одном месте, то можно предположить, что они бытовали в переходный период смены каменных ядер на металлические – в XV веке.

Керамический комплекс данной коллекции представлен, в основном, образцами от XIV до XVIII века. По имеющимся находкам, можно судить о материальной культуре в тот или иной период жизни поселения.

Сырьё для изделий из керамики в окрестностях погоста достаточно. Глина темно-голубая, серая, желтоватая, бурая имеется по рекам: **Наре**, Протве, **Истье**, Нечайке, Диричной. Глина юрского периода (Россия. Полное географическое..., 1899. Т.1).

У д. Беницы, в устье р. Межовки впадающей в Протву, обнаружены гончарный горн и следы разрушенного сыродутного горна, относившиеся к X—XII вв. (Никольская, 1981. С.47).

Ближайший центр горшечного промысла существовал в начале XX в. в деревнях Верхнее и Нижнее Велеми в 1,5 и 2 км от г. Пролетарский на Наре. Из инструментов применяли, в основном, ручной гончарный круг. Только два мастера работали на ножном круге. Глину предпочитали жирную, которая «мажется» и имеет блеск. Она сероватого цвета и представляет собой довольно

чистый каолин. Формируют изделие только руками. Затем куском кожи, смоченной водой, придают заготовке окончательную форму. Из инструментов применяли только три деревянных скребка ножевидной формы, которыми подскабливали в некоторых местах. Для покрытия глазурью использовали сурик, которым покрывали внутри посуды и 0,5 часть тулова сверху. Некоторые мастера покупали вместо сурика – свинец (он был дешевле), который пережигался в окись свинца. Изготовленную посуду обжигали в горнах. Готовую продукцию везли на ярмарки в Серпухов, Лопасню, Подольск, Каширу, Алексин, Неделеино и в Тульскую область. (Суцёва, 1996. С.135).

Одним из интересных образцов данной коллекции является керамическое *пряслище*. Пряслища, изготовленные из стенок сосудов, часто встречаются на памятниках лесной и лесостепной территории юго-востока Русской равнины. Они входят в употребление во второй половине I тыс. лет н. э., бытуют в предмонгольское время и наиболее часто встречаются на поселениях конца XIII-XIV вв. (Гоняный, 1998. С.165).

Наш экземпляр, по мнению В.В. Сидорова изготовлен «из стенки сосуда – такие широко известны, в том числе и достаточно поздно – употреблялись наряду со специально сделанными – каменными и керамическими. Наиболее характерны для 13-15 вв.»

Папилярные узоры. На некоторых изделиях из керамики есть отпечатки пальцев мастера. Установлена зависимость количества папилярных линий, уместающихся на единицу длины и возрастом человека. В данной коллекции обнаружены отпечатки пальцев на восьми предметах, линии которых можно сосчитать на отрезке 5 мм. На трёх предметах отпечатки взрослого человека и на пяти – подростка или взрослого худощавого человека, а также детей. Исследователи, опираясь на опыт криминалистики сделали следующий вывод: «Полученные нами данные свидетельствуют о

преобладании у дьяковцев людей грациального сложения – худощавых и невысокого роста. Таким образом, можно сделать вывод, что на данном памятнике немного преобладало дьяковское население.

Домонгольский период керамикой не представлен. Есть только сковородки, которые, скорее всего, относятся к переходному периоду от курганной к серой керамике. Есть также фрагмент горлышка с верхней частью плеча и маленьким отрезком широкой линии имеющий бурый цвет и крупнозернистое тесто с дресвой (дроблёный камень) – одна из примет курганной керамики.

В Древнерусский период господствовала **сероглиняная** керамика (2-я пол. XIII-XIV вв.). Её посуда была представлена горшками разных размеров, крышками к ним, мисками, сковородами с высокими бортами. Форма горшка от подшарообразной курганной посуды вытянутой вверх пропорции, сменилась на более гармоничные пропорции. Венчики, по сравнению с курганными, стали более вертикальными, что характерно для посуды вятичей. Усовершенствовалась и технология изготовления. Стенки стали тоньше и лучше прокалёнными, а потому светлее и звонче. Поверхность заглажена так, что не выступают примеси более мелкого песка, шамота (толчёная керамика). Практически отсутствует дресва.

Серая керамика украшена рядами горизонтальных полос, но не по всей поверхности горшка, как в курганной посуде, а в его верхней половине. Волнистый орнамент симметричный, использовался реже линейного, а иногда вместе с линейным. На позднем этапе волнистый орнамент приобретает черты ранней косой волны.

Белоглиняная керамика XVI в. характеризуется крупнозернистым нежелезненным тестом и шероховатой поверхностью. Здесь представлена горшком низкой пропорции, но близкой золотому сечению, большим фрагментом кувшина с широкой ручкой и «манжетообразным» венчиком. Есть, также, носик кумгана. Кумган, по Далю, тип кувшина с носиком, ручкой и крышкой. Встречается редко. Носик имеет характерный для данной посуды перемычку с отверстиями.

Белоглиняная гладкая посуда XVII века, с валиком по внутренней стороне венчика и орнаментом из многочисленных тонкопрочерченных линий, нанесенных гребенкой по шейке сосуда. Характеризуется горновым обжигом и хорошо отмученным тестом без примесей песка.

Эта посуда представлена ручкой небольшого сосуда и рыболовное грузило (52 х 78 мм) украшенным линейным орнаментом..

Холм на месте погоста. Фото Железняк М.В.

Ров, ограничивающий городище. Фото 2011 г.

Фрагменты надгробий погоста. Фото 2011 г.

Морёная керамика появилась в последние десятилетия XV в. Техника морения изделий осуществлялась в бескислородной среде закупоренного горна, что делало поверхность черепка матово-чёрной, а заранее вылощенные места становились серебристыми. Лощение глины до обжига уплотняло черепок, а его поверхность приобретала нарядный лоск. Чернолощенная керамика была своеобразным подражанием дорогой металлической посуде. Бархатистый чёрный тон, блики на

переломах формы, серебристость лощёных полос создавало игру света и подчёркивало рельеф объёма.

Чернолощёная керамика в данной коллекции представлена фрагментами кувшинов, корчагой, сковородой. Наиболее интересна корчага, хотя не сохранились её венчик и дно. Пропорции таких сосудов известны: 1:1. Её внешний вид в реконструированном виде есть на рисунке. Верхушки кувшинов есть как со сливами, так и без них.

Вид на долину р. Козловки. Фото 2010 г.

«С XVII века в Москве (вначале в исполнении изразцов, а позже и посуды) начинают применять *глазури*, что потребовало поисков ранее не применявшихся средств декорирования. В сельские промыслы глазури пришли в XIX в. Со временем глиняная посуда стала уходить из быта состоятельного населения городов: на рубеже XVIII—XIX вв. ее вытесняли майолика, затем полуфаянс, а в XIX в. фаянс и фарфор. Городские гончарные слободы постепенно теряли свое значение, гончарство в XIX — начале XX в. сосредоточилось в сельской местности. Благоприятными для развития существующего промысла или появления нового были такие условия, как наличие сырья, близость рынков сбыта или удобных дорог» (Хохлова Е.Н., 2006. С.25-28).

Интересны находки **стеклянной посуды**. Это фрагмент штофа, почти целый флакон тёмно-зелёного и горлышко флакона светло-зелёного цвета, донышко стопки. Флаконы, найденные на погосте, выдувались свободно, так как тулово у них неправильной формы, дно с понтией (следами от железного стержня, на котором крепился сосуд).

Постепенно жизнь погоста замирает, а церковь приписывают к соседнему храму Успения в Рышкове. На месте храма остаётся часовня при кладбище. Теперь здесь пустынное место, называемое «Под Чаплино» или «Тёмные ясли», привлекающее, открывающимся отсюда красивым видом. Спустившись по крутому берегу к Наре, найдем небольшой ключик с приятной на вкус водой. Этот спуск к реке поддерживался, свободным от больших деревьев (сейчас зарастает).

Характеристика городища на погосте Покрова: мысовое, одновальное (остатками вала с южной и западной сторон), площадь средняя ~1750 м² (1000-2000). Использовалось как святилище и некрополь (АП №1, 2004, с. 102).

Население, вероятно, было смешанным, славянским, балтским и финно-угорским.

По мнению Симсона здесь находился центр древней волости: «При Владимире же Андрее- виче, как мы видели, постепенно были присоединены: 1) Новый Городок на устье Поротли (Протвы). 2) **Козлов Брод** с деревнями, упоминаемый в договорной грамоте **1371** года. Лежал недалеко от Нары вверх по течению, верстах в 30 от Серпухова. (На границах Серпуховского и Боровского уездов в 3-х верстах от деревни Леоновой до сих пор существует урочище Козлов Брод – большой овраг с речкою, впадающею в Нару. На горе у оврага прежде было селение с церковью» (Симсон П.Ф., 1880. С.61,62).

Другое упоминание об этой волости под **1388** годом в договорной грамоте Дмитрия Донского с братом его Владимиром Андреевичем: «А на **Козлов Брод** слати ти своего данщика, тем ты есмь пожаловал».

В **1389** г. в другой грамоте: «А коли ны будем слати своих данщиков в город и на вари, и тебе слати с нашими данщиками своего данщика, оприч Ростовца, и Перемышля, и **Козлова Броду**. А что сберут, а тому идти в мою казну.

А дати ти, брате, мне, кн. Вел., свое отчины в пять тыс. руб. триста руб. и двадцать руб. А с Ростовца, и с Перемышля, и с Козлова броду взяти ти себе в тоже серебро».

В **1410** г. Владимир Андреевич: «А жоне своей, княгине Олене (Олгердовне 1354-1437 гг. – В.Щ.), дал есмь ей Лужу...**Козлов Брод** с бортью, и с селы, и со оброчники, и со всеми пошлинами, Бадееву слободку».

«А розмыслит Бог и княгини моеи, по ее животе **Козлов Брод** сыну, князю Ивану, с братом Ярославом наполю, и Бадеева слободка, и Лужа, и все волости Лужевские, и слободы, и околицы, и селы с бортью, и со всеми пошлинами сыном моим» (ДДГ. 1950. С.167).

Волость Козлобродская, по данным на начало XVII века, располагалась восточнее волости Голичичи и севернее Темнинского стана, в бассейне Лопасни. Поэтому, возможно, ранее она брала начало от устья р. Козловки (см. карту).

По боровским переписным книгам в **1629** и **1630** гг. «на государевой земле погост Покровский, а на погосте церковь Покрова Пречистой Богородицы древена **клецки вверх** стоит без пения, одно клепало строенье мирское, церковного строенья нет разорено в Московское разоренье, да на церковной же земле место дворовое попово пусто, да на церковной же земле живут во дворе дьячок Сенка Федоров, во дворе бобыль, пашни паханные 5 чети в поле да перелогом 10 чети, лесом поросло 15 чети в поле, а в дву по тому же, сена

на реке на Наре 20 копен, да пустошь, что были **Троицкий погост** на реке на Наре (см. с. 99 § 52) а в ней место церковное, а на церковном месте стоит часовня...» (Холмогоров В.И., 1910. С.23 § 23).

Холмогоров В.Г. пишет: «В 149 г. (**1641** г.) по книгам Кира Патрикеева прибыла вновь церковь Покрова Пресвятыя Богородицы, что на речке на Наре дани три алтына четыре деньги по наказу гривна».

Очевидно церковь пострадала в смутное время, а теперь восстановлена и дает в казну доход.

В **1654** г. церковь уже в вотчине **Ивана Ивановича Гагарина** и теперь с нее берут больше дани – рубль 13 алтын заезда гривна.

Данные деньги в **1659** г. платил **Микита Митрофанов сын Вельяминов**, а в **1661** г. Митрофан (Иванович – В.Щ.) Безобразов, стольник.

В **1662** г. церковь в вотчине думного дьяка **Степана Ловчикова**. 1665 г. «от церкви церковная земля отдана на оброк патриаршего казенного приказ подьячему Ивану Варахееву, а за оброк

Славянский волнистый орнамент XIII-XV вв.
Симметричная, асимметричная и косая волна.

платить данью 1 рубль 13 алтын заезда гривна». В 1666 г. вотчина в совместном владении Ловчикова да **Митрофана Иванова сына Безобразова**.

«181 и 191 гг. (1673 и 1683) велено сей церкви в приход въезжать со всякою церковною потребою Успенскому попу Михаилу что в **Рошкове** покамест у той церкви поп будет и данные деньги ему с той церкви платить погодно.

183 г. (1675) июня 7 подана к подписке грамота Боровского уезда Голицкого стана церкви Покрова Богородицы попа Тита Мелетиева.

184 г. (1676) в вотчине Степана Ловчикова в селе **Горках**.

Под 1684 г. в книге К. Патрикеева написано: «на погосте на реке на Наре», а слова «в вотчине Степана Ловчикова в селе Горках» зачеркнуты.

Очевидно, это связано с высылкой его в Бежецкий Николаевский монастырь 1682 г., а с ней и конфискацией владений.

Есть косвенные данные о том, что в 1689-1690 гг. А.И. Безобразов готовил материал на постройку нашей церкви Покрова. «Агафья Васильевна, здравствуй, о Христе, на веки! ...А на церковь *Покрова* Пречистая Богородицы вели лес сечь и возить; чтоб лесу насечь и вывозить на церковь слишком; а лес вели выскоблить и, выскоблив, вели тот лес положить в стопы, и вели покрыть хорошенько; а о грамоте на церковь, чтоб грамота взять, и к Михаилу Антипову писал многожды, и он и по се время не поглядел взять» (Розыскное дело..., 1885. 12-е письмо).

«У церковного строения» был человек Безобразова **Иван Ларионов**, который в «роспросе» сказал: «Как де Андрей Безобразов жил на Москве, и он де, Ивашка, в то время на Москве не жил, а жил де в селе *Спаском* (Курилово), и приказано де быть ему у **церковного строения**. А как де он, Андрей, послан из Москвы на Терек, и стоял под Даниловым монастырем, и ему де, Ивашку, из того села, велел он Андрей приехать под тот Данилов монастырь и взял с собой...» (Розыскное дело..., 1885. Стлб. 260).

По окончании «Розыскного дела» Ларионов был освобожден. Участвовал ли он впоследствии в строительстве храма, неизвестно.

Ранее, в 1684 г., Безобразов построил каменный храм в Рышкове, в 1687 г. освятил деревянный храм на Ильинском погосте (Субботинки) и, очевидно, в начале 1690-х гг. возвел бы на погосте Покрова, если бы не дело Шакловитого, а точнее, происки К.П. Нарышкина. Безобразов А.И. был казнён в 1690 г.

211 г. (1703) февраля 27 выдан **антиминс** по благословенной грамоте в новопостроенную церковь во имя Покрова Богородицы в Боровском уезде Голическую волость. Надо полагать, что эту церковь достроил новый владелец – Г.И. Головкин, использовавший заготовки Андрея Ильича.

1714 г. октября 21 дана новоявленная память по приходской заручной челобитной Московского уезда Перемышльской десятины церкви Успения Пресвятой Богородицы пономарю Ивану Савельеву в Боровском уезде Голическую волость к церкви Покрову Богородицы, что на реке Наре во дьячки на место бывшего дьячка Льва, будет он Иван человек свободной и в службу не записан, пошлин 6 алтын 4 денги взяты.

1746 г. Покрова Пресвятыя Богородицы на погосте на реке на Наре рубль 79 копеек (Холмогоров В.И., 1910. С.23 § 23).

Ловчиков Степан Богданов был стряпчим в 1658 г., стольником в 1677 г. После воеводства в Арзамасе (1679-1681) С.Б. Ловчиков 9 мая 1681 получил назначение вторым судьёй (т.е. заместителем кн. М.Ю. Долгорукого по управлению тремя военными приказами): Иноземским, Рейтарским и Пушкарским. Стольник со дня царской свадьбы – 15/16 февраля 1682. Думным дворянином стал в 1683 г. и азовским воеводой в 1699-1703 годах. Умер Степан не ранее 1710, а его брат Иван в октябре 1692.

Московский двор братьев Ловчиковых находился «на Кулишках», но часто они жили в своих бежецких владениях.

Ловчиковы происходили из новгородцев. С.Б. Ловчиков получил поместье в Бежецке в 1669 г. (Городецкий стан Бежецкого у.) При пожаловании в стольники 15 окт. 1676 г. он объявил за собою в Бежецке 12 дворов. В ходе Московского восстания 1682 г. С.Б. Ловчиков был выслан в Бежецкий Николаевский монастырь.

Братья Ловчиковы были близкими фигурами к царю Федору Алексеевичу, так как жена царя Марфа Матвеевна была дочерью Апраксина Матвея Васильевича, супруга которого Домна Богдановна была Ловчикова в девичестве. Ловчиковы были в родстве и с другими любимцами царя: племянником Акинфовым Н.И., Языковыми, Лихачевыми, Дашковыми.

«Среди новой царской родни (царя Федора Алексеевича – В.Щ.) первое место занимал стольник **С. Б. Ловчиков**. Царица Марфа росла сиротой: ее отца убили калмыки, когда ей едва минуло 4 года. Для сиротевшей семьи естественной опорой стали родные братья матери Домны Богдановны –

Степан и Иван Ловчиковы С 9 мая 1681 г. С. Б. Ловчиков служил заместителем боярина кн. М. Ю. Долгорукова по управлению Рейтарским, Иноземским и Пушкарским приказами На царской свадьбе с Апраксиной С. Б. Ловчикова пожаловали в спальники и уже на следующий день он оставил все приказные посты, перейдя, очевидно, исключительно на дворцовую службу.

Случай вознес С. Б. Ловчикова на *самый верх неформальной придворной иерархии*. Монахи Антониево-Сийского монастыря еще «перед государскою всемирною радостью дядюшки государыни царицы Марфы Матвеевны – Стефану Богдановичю Ловчикову» отнесли свежей рыбы, а монастырский казначей «стол рядил и звал ево и потчивал». После свадьбы сийские

монахи поднесли С. Б. Ловчикову образ на золоте и еще рыбы. Надо думать, что теперь на дворе С. Б. Ловчикова можно было видеть тьму всевозможных просителей с подношениями, что лучше всего демонстрировало новый статус дяди царицы. Он стал объявлять царские указы о пожаловании в стольники царицы.

Документы дворцовых приказов зафиксировали пожалование 7 и 9 марта сукон жене С. Б. Ловчикова, 9 апреля – ему самому. 28 марта царь пожаловал своим ближайшим комнатным людям шапочные вершки: М. Т. Лихачев и С. Б. Ловчиков получили бархатные, а менее значимые спальники – И. А. Языков, Ф. М. Лихачев и П. М. Апраксин – суконные. Другой дядя царицы – И. Б. Ловчиков – 7 марта 1682 г. удостоился чина думного дворянина. Судя по документам дворцовых ведомств, И. Б. Ловчиков не играл заметной роли при дворе: в отличие от своего брата, он ни разу не упомянут в связи с пожалованием сукон и мехов из казны, нет также сведений об объявлении им царских распоряжений.

Братья царицы – Андрей, Петр и Федор Апраксины – исполняли дворцовые обязанности в чине спальников. Царь и царица жаловали их сукнами и мехами, давали мелкие дворцовые поручения, однако сведений об их участии в делах управления неизвестно. Скорее всего, братья царицы, которым едва исполнилось 20 лет, были заняты сугубо дворцовыми обязанностями.

Корчага диаметром 250 мм.
Чернолощёная керамика XVII-XVIII вв.

Новые чины получили и другие родственники царицы: 19 февраля стольниками стали И. А. Апраксин, **С. М., И. И. Ловчиковы**, И. М. Унковский, 21 февраля – К. В., И. И., П. И. и А. И. Апраксины, П. М. Унковский. 9 апреля родственник Апраксиных – Федор Григорьевич Хрущев Меньшой был пожалован в думные дворяне.

Ближайшая родня новой царицы занимала почётное, но скорее декоративное место при дворе, действуя в тени тех сил, которые привели её к чинам и почестям – Языковых и Лихачёвых» (Седов П.В., 2006. С. 390-391).

Имя Ловчиковых вошло в историю русской литературы в связи с **«Повестью о Фроле Скобееве»**. Как полагал историк И.Е. Забелин сюжет Повести «без всякого сомнения, истинное происшествие, которое первоначально ходило в простом рассказе и потом в первой половине XVIII столетия было записано со слов рассказчика канцелярским слогом того времени» (Забелин И., 1872. Ч.I. С.192-193).

Новейшие исследования подкрепили предположение Забелина. Более того, высказано предположение, что кто-то из братьев был если не автор Повести, то рассказчик, со слов которого записана эта история.

Натюрморт из находок на погосте Покрова.

Сероглиняные крышка и горшок. XIV в. Красноглиняные горшочек и миска XV-XVI вв. Стекланный флакон с поддоном XVIII в. Реконструкция

«Предположение об исторической достоверности сюжета Повести подкрепляется указанием в ее тексте на автора произведения, который сам является участником событий. Это важнейшее обстоятельство не было замечено исследователями. Едва ли не самый яркий эпизод Повести, описанный несомненно очевидцем, относится к сцене, когда Фрол просит прощения у стольника Ордина-Нащокина на соборной площади в Кремле. Стольник Ловчиков предложил Скобееву просить прощения у обманутого им свекра завтра у обедни: «После обедни будем стоять все мы в собрани на Ивановской площади, и в то время приди и пади пред ним, и объяви о дочери ево, а я уже как могу, буду предстательствовать!». Автор Повести говорит о себе в первом лице, что он будет с другими стольниками завтра стоять на Ивановской площади. Отсюда следует, что Ловчиков если не автор, то рассказчик, со слов которого записана история. «И пришел Фрол Скобеев в Успенский собор к обедни, – продолжает далее автор, – и столник Нардин-Нащекин, и Ловчиков, и другие

столники все у обедни. И по сошествии тогда все обычай имели быть в собрани на Ивановской площади против Ивана Великого и имели промеж собою разговоры, кому что надобно».

Замечание об обычае стольников собираться на Ивановской площади после обедни не имеет прямого отношения к Фролу Скобееву, а является авторским добавлением-воспоминанием. «А столник Нардин-Нащокин больше соболезнает о дочери своей, тако ж и Ловчиков с ним разсуждает о дочери ево к склонению милости». Тут появляется Фрол Скобеев и бросается в ноги к свекру. «И столник Нардин-Нащокин имелся летами весьма древен и зрением от древности уже помрачен, однакож мог человека усмотреть. Имели в то время обычай те старые люди носить в руках трости натуральные с клюшками — и поднимает тою клюшкою Фрола Скобеева». В описании этой живой сцены автор-очевидец сообщает о себе, что он стоял на том самом месте, где происходили события, и особо выделяет при этом стольника Ловчикова.

Узнав правду, обманутый отец был столь возмущен, что тут же собрался идти жаловаться государю. «И вторично пришед к нему столник Ловчиков, и нача его разговаривать, чтоб вскоре не учинил доклада к государю», а поехал бы домой, посоветовался с женой, тем более, что плут Скобеев «от гневу вашего скрытца никуды не может!»

Фрагмент повести, где фигурирует сам Ловчиков.

«И Фрол Скобеев, слышав такую публикацию, не ведает, что делать; и умыслив Фрол Скобеев, пришел к **Ловчикову** столнику, для того что тот Ловчиков веема к нему обходился добр и милостив. И Фрол Скобеев, пришедши к Ловчикову, и имели много разговоров, и столник **Ловчиков** спрашивал Фрола Скобеева, женился ли и богату ли взял? И Скобеев ему на то отвечивал: «ныне еще богатства не вижу, что вдаль — время покажет!» — «Ну, господин Скобеев, живи уже постоянно, а за ябедами не ходи, перестань, а живи ты в вотчине своей лутче здоровее!» — Потом Фрол Скобеев стал просить того столника, чтоб он предстательствовал об нем, и **Ловчиков** ему сказал: «коли сносно, то буду предстатель, а ежели что несносно, то не гневайся!» И Фрол ему объявил, что «столника Нардина Нащекина дочь Аннушка у меня, а ныне я на ней женился!» И столник **Ловчиков** сказал: «как делал ты, так сам и ответствуй!» И Фрол Скобеев сказал: «ежели ты предстательствовать не будешь обо мне и тебе будет не без слова! Мне уже пришло показать на тебя, для того, что ты возников и корету давал, а ежели бы ты не дал, и мне б того не учинить!» И **Ловчиков** стал в великом сомнении и сказал ему: «настоящей ты плут! что ты надо мною зделал... Добро, как могу, буду предстательствовать!» И сказал ему, чтоб завтрашний пришел в Успенский собор, и столник Нардин Нащекин завтра у обедни — «и после обедни будем стоять все мы в собрани на Ивановской площади, и в то время приди и пади пред ним и объяви о дочери ево, а я уже, как могу, буду предстательствовать!»

И пришел Фрол Скобеев в Успенский собор к обедни, и столник Нардин Нащекин, и **Ловчиков**, и другие столники все у обедни по отшествии тогда все обычай имели быть в собрани на Ивановской площади против Ивана Великого и имели промеж обою разговоры, кому что надобно. А столник Нардин Нащекин больше соболезнает о дочери своей, також и **Ловчиков** с ним разсуждает о дочери ево к склонению милости. И на те их разговоры пошел Фрол Скобеев и отдал всем столникам поклон, как есть обычай, и все столники Фрола Скобеева знают. И кроме всех пал пред столником Нардиным Нащекиным и просил прощения: «милостивы государь и царев столник! впервые отпусти вину мою, яко раба своего, который дерзновенно учинил пред вами!» И столник Нардин Нащекин имелся летами весьма древен и зрением от древности уже помрачен, однакож мог человека усмотреть. Имели в то время обычай те старые люди носить в руках трости натуральные с клюшками — и поднимает тою клюшкою Фрола Скобеева «кто ты таков? скажи мне о себе! и что твоя нужда до нас?» И Фрол Скобеев толко говорит: «отпусти вину мою!» И столник Ловчиков подошел к Нардину Нащекину и сказал: «лежит пред вами, просит отпущения вины своей дворянин Фрол Скобеев!» И столник Нардин Нащекин воскричал: «встать, плут, знаю тебя давно, плута и безделника! Знатно, что наябедничал себе! что, скажи, плут, — буде сносно, стану помогать, а что несносно, как хочешь, я тебе, плуту, давно говорил: живи постоянно! Встань, скажи, что твоя вина?» И Фрол Скобеев встал от ног ево и объявил ему, что дочь ево Аннушка у него и он на ней женился; и как столник Нардин Нащекин, услышал от него о дочери своей, и залился слезами и стал в беспаметстве; и мало опамятовался, и стал говорить: «что ты, плут, зделал? ведаешь ли ты о себе, кто ты таков? Несть тебе отпущения вины твоей! Тебе ли, плуту, владеть дочерью моею? Пойду к государю и стану на тебя просить о твоей плутовской ко мне обиде!» И вторично пришел к нему столник **Ловчиков**, и нача его разговаривать, чтоб вскоре не учинил доклада к государю: «изволишь

съездить домой и объявить о сем случае сожительнице своей, и по совету общему, как к лутчему — уже быть! Так того не возвратить, а он, Скобеев, от гневу вашего скрытца никуды не может!» И столник Нардин Нашекин послушал совету **Ловчикова**, не пошел к государю, а сел в корету и поехал домой, а Фрол Скобеев пошел на квартиру свою и сказал Аннушке: «ну, Аннушка, что будет мне с тобою, не ведаю — объявил о тебе отцу твоему!»

ГРУЗИЛО

**БЕЛОГЛИН. ГЛАДКАЯ
керамика XVII в.**

Орнамент - линейный

Цвет/ тон - корич.ух./ 7

Тесто - мелкое

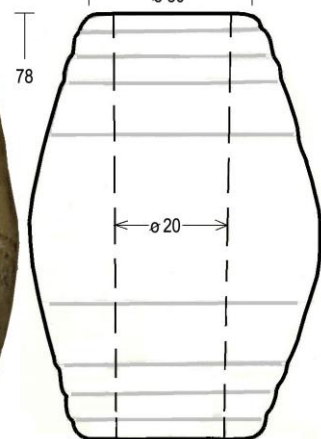
Поверхность заглаж.

Плун 79

Аналог: с. Монастырщина 7 (к. XII - 1 п. XIII в.)
// Русь в XIII в. М., 2003, с. 231.

ø 52
ø 30

ПВенч 37

Погост Покрова

Погост Покрова.

Крица

Металлическое ядро.
46 x 50 мм

Каменное ядро.
48 x 50 мм

ВИД СБОКУ

СКОВОРОДА **ЧЕРНОПОШЁНАЯ**
керамика XVI-XVIII вв.

Что касается Нардина Нашекина — это Воин Афанасьевич — сын Афанасия Лаврентьевича Ордин-Нашекина известного дипломата и государственного деятеля любимца царя Алексея Михайловича. Потомства по мужской линии Воин не оставил. Нашекины по другой линии владели землями по-соседству, ниже по Наре, в селе Семеновском (Рай-Семеновское). В Москве «На Кулишках» стояли палаты одного из стольников Ординых-Нашекиных, также как и Ловчиковых.

Оба брата Ловчиковы дослужились до думного дворянства и умерли много лет спустя после описываемых событий: Иван Богданович – в октябре 1692 г., а Степан Богданович – не ранее 1710 г. Рассказывая на склоне дней случившуюся с ним яркую историю, автор начала XVIII в. сообщает о себе ряд деталей, подходящих в равной степени к любому из братьев Ловчиковых. Все «сцены» повести оказались связаны с местами, где братья бывали: Городецкий стан Бежецкого уезда, где они жили по соседству с дворянами Скобеевыми. Москва лета 1680 или 1681 г., где находился один из братьев Ловчиковых (Степан Богданович) сцена на Ивановской площади, где в Повести присутствует «столник Ловчиков».

Наконец, будучи свидетелями событий 1680-1681 гг., Ловчиковы прожили ещё много лет, и любой из них мог языком петровского времени рассказать историю, в которой сам участвовал. Остаётся добавить, что братья Ловчиковы были ещё и книжниками. С.Б. Ловчиков имел Хронику Стрыйковского и вместе с братом Иваном переписывал Хронограф». Среди владельцев списков русских переводов Хроники известны только два думных человека, и оба они принадлежали к ближайшему комнатному окружению Федора Алексеевича: **С. Б. Ловчиков** и А. Т. Лихачев. Ловчикову принадлежал список с перевода 1670-х гг. с владельческой надписью 27 мая 1707 г., Т. Лихачеву - список перевода 1688 г. с вкладной надписью сентября 1729 г. (Седов П.В., 2006. С.477-478, 547-548).

Закат Ловчиковых связан с последствиями стрелецкого бунта в **1682 г.**

«Но стрельцы и солдаты этим не удовольствовались, били челом, чтоб имение убитых было отдано им же. 20 числа еще челобитье: чтоб великий государь указал сослать в ссылку постельничего Алексея Лихачева, казначея Михаилу Лихачева, окольничего Павла Языкова, чашника Семена Языкова, думного дворянина Никиту Акинфиева, думных дьяков Богданова и Полянского, спальников **Ловчикова** и всех Нарышкиных, Андрея Матвеева, стольников – Лопухина, Бухвостова, Лутохина. Двор был расчищен от враждебных Милославским людей, и стрелецкие челобитья о казнях и ссылках прекратились» (Соловьев С.М., 1991. Кн. VII. Т. 13. Гл. 3. С. 266).

27 февраля 1703 г. во вновь выстроенный Покровский храм был выдан антиминс.

В 1778 г. вместо этой, к тому времени обветшавшей, церкви усердием помещика секунд-майора Фёдора Михайловича Банберина была построена новая, вновь деревянная. Но когда Банберин обратился с просьбой о выдаче антиминса на освящение новопостроенного храма, стало известно, что в церкви нет достаточного количества богослужебных книг. И потому вердикт синода был таков: «...освятить тогда, когда недобирающие в число полного церковного круга книги искуплены будут, по церковному положению дозволить». Были ли книги «искуплены» и был ли освящён новопостроенный храм, найденные документы умалчивают, но, так или иначе, в 1820 г. по указу консистории Покровская церковь была упразднена, утварь по описи от 1806 г. передана в Рыжково, а колокола 14 августа 1823 г. переместили в новоустроенную церковь села Русиново. После разборки Покровского храма на его месте поставили бревенчатую, обшитую тёсом часовню иод железной кровлей размером 6х6 арш. (Легостаев В. 2015. Храмы Боровского уезда. С.358).

По данным Экономических примечаний к атласу Калужской губернии 1782 г.: «Погост и писцовая земля, церкви Покрова Пресвятыя Богородицы и священно и церковно-служителей. Дворов нет; 1 дес. 200 саж. под усадьбой; 38 дес. 472 саж. пашня; 4 дес. 450 саж. сенных покосов; 9 дес. 1916 саж. лесу; 4 дес. 2306 саж. неудобных мест. Всего: 58 дес. 544 саж.

На правом берегу Нары и речки Покровки на правой стороне, церковь деревянная Покрова Пресвятыя Богородицы, земля иловатая, урожай хлеба и травы родственны, лес мелкой» (Описание, 1782).

В «Списке **1859 г.** Н. Штиглица» Погост Покрова не упоминается. Однако, погост ещё использовался, как кладбище. Это видно из дела о Салтычихе.

Показания Ильина и Артемьева подтвердил сам Давид Иванов, прибавя к тому, что после отъезда Глеба Салтыкова, по приказу его, староста еще сек его, Давида, мать и та в тот же день умерла, «и мертвое ея тело он Давид с братьями погребли сами без попа, Боровскаго уезду в селе Покровском, затем, что в того села поп Михала Алексеев без похоронной мертвой матери его тела погребать не стал (Русская старина, 1874, том 10, вып. 7. С. 525, 526)

По церковной традиции, упразднённый храм совсем не исчезает. Его главные иконы переносятся в соседний храм. В ближайшем Рышковском храме на северной стене интерьера колокольни было изображение Покрова Пресвятой Богородицы, отдельные фрагменты которого были обнаружены автором при расчистке основания разрушенной колокольни.

Проезжая в Лопасню через Погост, здесь в часовне ставили свечу у маленькой иконы. Здесь были похоронены родственники многих из окрестных сел и деревень. За часовней были участки земли, которые давали жителям с. Рышково.

В 1920-е годы здесь был посажен сосновый бор.

Спустившись от часовни по крутому берегу к Наре, найдем небольшой ключик с приятной на вкус водой. Этот спуск к реке поддерживался свободным от больших деревьев (сейчас зарастает), что открывало перспективу на долину реки Нары и, в свою очередь, показывало путнику направление к Покровской часовне и погосту.

Хоронили у часовни внутри рва (информация Знамёнкина), но уже в начале XX века погребений не было, но часовня стояла до 1925 г., когда ее свалили братья Луповы: Михаил Иванович и Сергей Андрианович, лесники. Они возвращались домой с работы из Стремилowo и, будучи пьяными, свалили часовню с горы к реке Наре. Один из них был комсомольским активистом. Михаил имел прозвище «Попрыгунчик».

ПОКРОВ ПРЕСВЯТЫЯ ВЛАДЫЧИЦЫ НАШАЯ БОГОРОДИЦЫ.

Праздник установлен в воспоминание видения св. Андреем Богоматери, покрывавшей Своим омофором христиан во Влахернском храме в Царьграде. В 910 г., Константинополь осадили сарацины, во Влахернском храме юродивому Андрею и его ученику Епифанию явилась Божия Мать. Она молилась за спасение христианской столицы, а затем обратившись к Андрею и Епифанию простёрла над собравшимися в храме Свой Покров (омофор), сияющий как молния. Видение вскоре исчезло, а противник действительно снял осаду.

Когда узнано было о таком чуде и прочими находящимися в храме, то всех объял радостный трепет; в умилении сердца стали благодарить Бога и славить всемирную Заступницу, а благочестивый царь Лев и св. патриарх Тарасий решили ежегодно вспоминать сие утешительное событие.

По мнению одних, праздник Покрова установлен в России; его нет в греческих памятниках агиологии, но он встречается уже в русских святцах второй половины XIII в., начало же его относится, по всей вероятности, к домонгольскому периоду; во всяком случае, этот праздник установлен в первой половине (не позднее 1148 г.) или около начала XII в.

По мнению других, этот праздник установлен в Греции. В основу положен обряд, совершаемый еженедельно во Влахернской церкви во время всенощной службы, когда покров, закрывающий чудотворную икону Богоматери, как бы сам собой приподнимался и все молящиеся могли его видеть. Однако, указаний на него в известных греческих богослужебных книгах не находится.

В службе этого дня св. Церковь, восхваляя Пресвятую Богородицу, как «церкви чудное украшение», «верным царем пособие на бранех и воином соблюдение и всему миру предивный покров» и моля Её покрыть нас «омофором милости» Своей «от нахождения противных, от глада же и труса и междоусобных брани».

Праздник Покрова имеет и **языческий слой**. В субботу, предшествующую этому событию, крестьяне справляли *Покровскую субботу*. К этому времени заканчивались все земледельческие работы и начиналась подготовка к зиме. В доме убирались, его утепляли, если надо, ремонтировали печь и начинали её постоянно топить.... Готовились к свадьбам. Сам праздник Покрова был девичьим праздником. В этот день на обед готовили куриный суп.

«Покров-батюшка! Покрой землю снежком, а меня женишком!» — пели русские девушки-крестьянки. В середине октября, на праздник Покрова, закончилась страда, пришла пора посиделок и свадеб. В эти же дни начинался охотничий сезон.

В дохристианской Руси в это время праздновали дни Волха, бога войны и охоты, и Лели, богини любви и брака. Разыгрывали сцены из сказаний о Волхе и Леле. Рассказывали о том, как Волх захватил Темное Царство (пекло), победил его владыку — Змея Индрика, а потом решил захватить и Ирий (рай) и стать Владыкой мира. Но в саду Ирия он встретил Лелю, влюбился в нее и стал служить Свету. Бога войны укротила Любовь. Этот миф, породивший со временем сказки и былины о Волхе Всеславиче и Финисте Ясном Соколе, учил любви и преданности. Много обычаев сохранилось с тех пор. В память о Леле в эти дни справляют

свадьбы. Во время свадьбы жених, как бы подражая Волху, превращавшемуся в животных и птиц, переодевается, скрывается под маской. Жениха и невесту осыпают хмелем, пьют за их здоровье. В древности приготавливали особый напиток — хмельную сурицу (из меда, молока и трав). Он считался сакральным напитком, подобно индийской соме, иранской хаоме. На стол подавали птиц. Жених и невеста могли в этот день есть только птицу. Особые песни пели при расплетании косы у невесты. Этот обычай символизировал окончание девической жизни. Невеста разувала жениха (в знак покорности будущему мужу), причем непременно с правой ноги. В обуви у жениха находились деньги, которые она брала себе. Жених (или отец невесты) поднимал покрывало, в которое она была закутана, и говорил: Вот тебе свет! Будь счастлива в замужестве! Пусть жизнь у вас будет полной чашей! И детей будет полон дом! (Асов. Наука и религия. №).

Покров

Подошли враги к царству Грецкому,
Угрожают ему войной-гибелью.
Обложенные пришли в Божий храм,
Плачут-молятся, просят помощи.

Услышала Мать Божия молитву их —
Она сошла с небес во Божию церковь,
Слава райская храм исполнила,
Богородице служат ангелы,

И пророки, и апостолы.
“Что ж ты, Божий гость, голубица ты,
Всепречистая, благодатная,
Ты скажи, зачем прилетела к нам?

Аль уж светлый рай от грехов наших
Стал нерадостен, и пришла ты к нам,
Принесла нам казнь от Создателя?”—
“Мне и светлый рай стал нерадостен,

Небо ясное помрачилось —
Ко мне ангелы каждый час несут
Слёзы горькия христианския,
И смутилась я, опечалилась!

Теперь к вам пришла в утешение,
Помолить за вас с вами Господа”.
И вознесла Пречистая молитвенный глас
Ко своему сыну ко распятому,

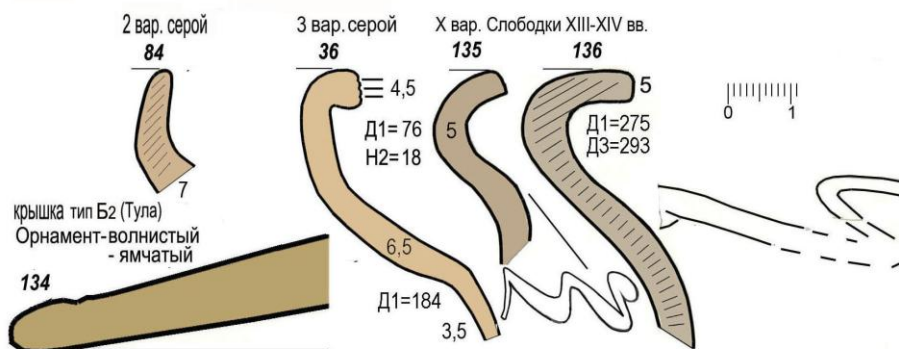
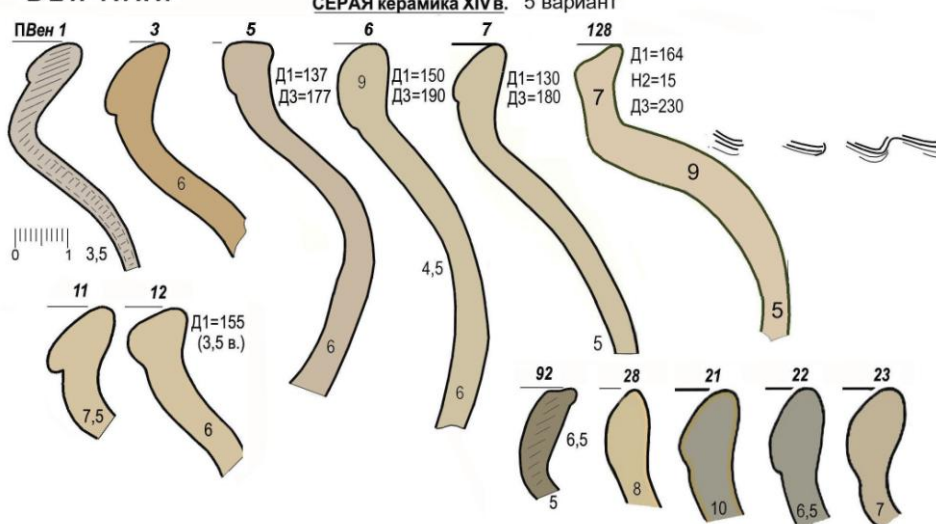
Всех людей благодетелю и защитнику:
Сыне мой, Иисусе мой!
Услыши ты нас с высоты небес,
Защити и нас, грешных людей!”

В руках Богородицы был омофор святой,
Омофором тем покрыла она
Благодатным души скорбныя.

ПРИЛОЖЕНИЕ

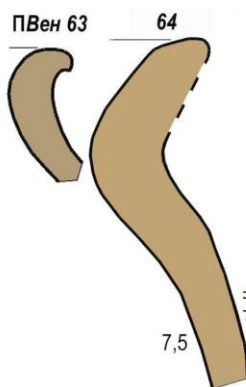
Некоторые сводные таблицы керамики

ВЕНЧИКИ

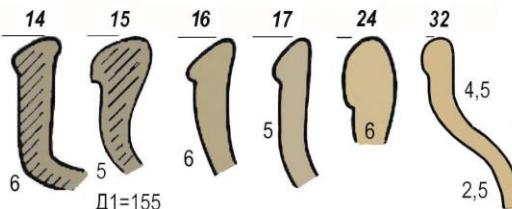
ВЕНЧИКИ

Венчик - 1 вар. крас. гр.

КРАСНОГЛИН. ГРУБАЯ керамика с.XIV-с.XV вв.

Венчик - 2 вар. крас.гр.

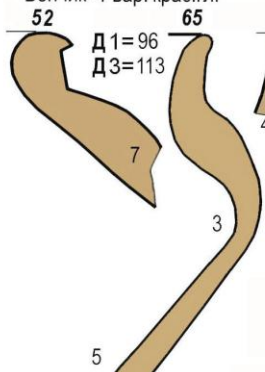

Венчик - 3 вар. крас. гр.

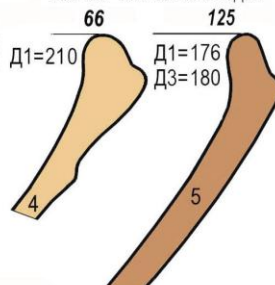
КРАСНОГЛИН. ГЛАДК. керамика сер.XV-XVI вв.

Венчик - 1 вар. крас.гл.

МИСКИ

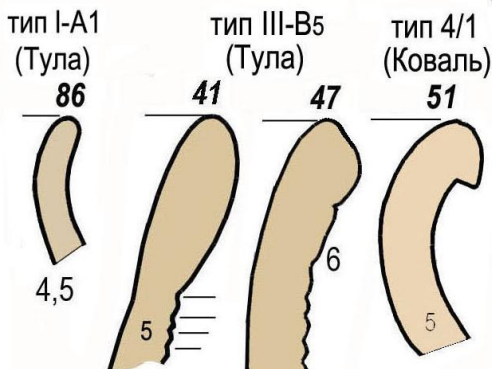
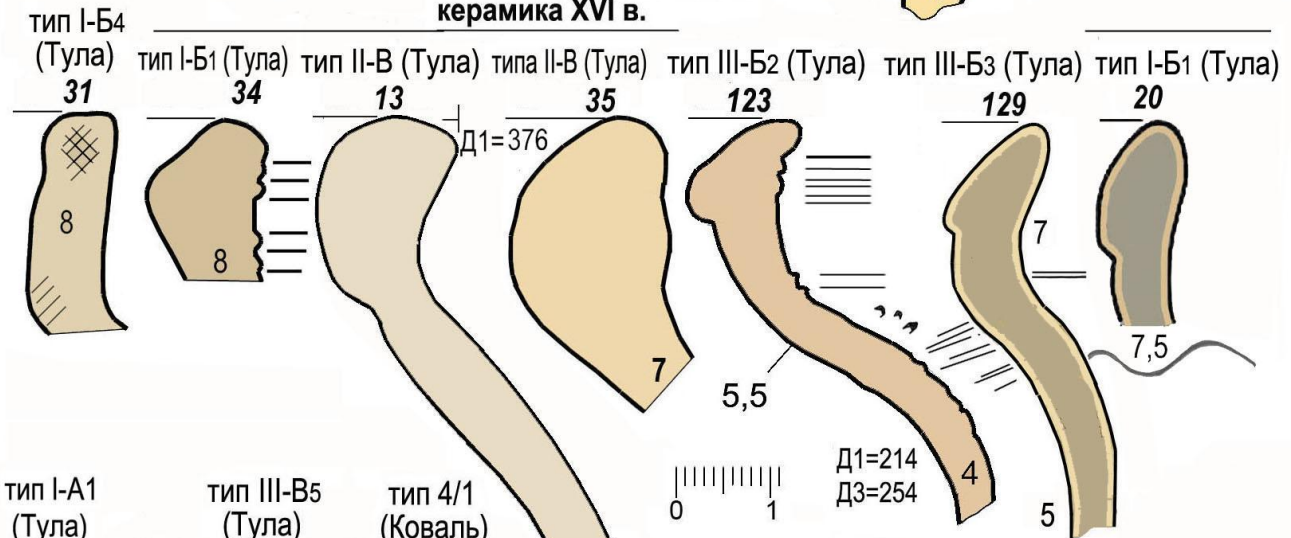
Венчик - XVI тип Слободки

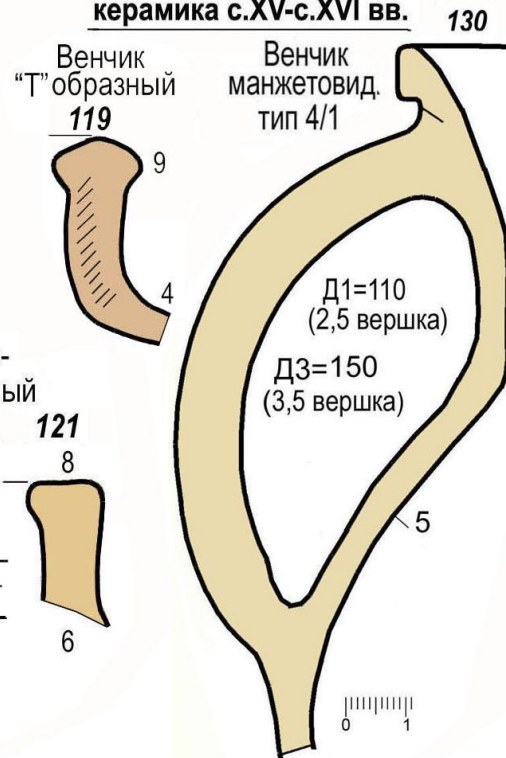
ПОЛИВНАЯ КРАСНОГЛИН. керамика XVIII в.

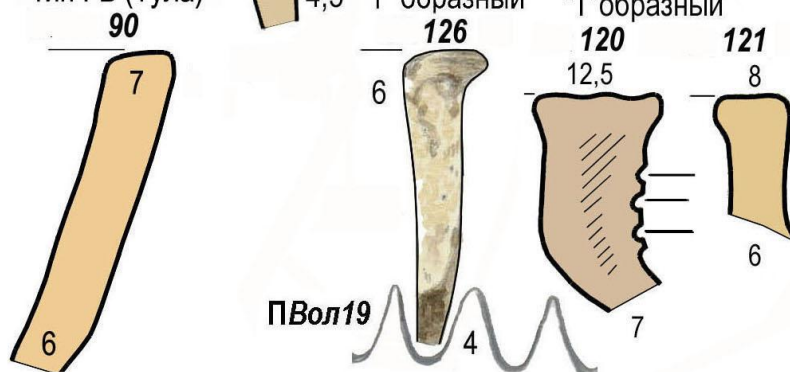
ВЕНЧИКИ БЕЛОГЛИН. ГРУБАЯ керамика с.XV-с.XVI вв.

БЕЛОГЛИН. ГРУБАЯ керамика с.XV-с.XVI вв.

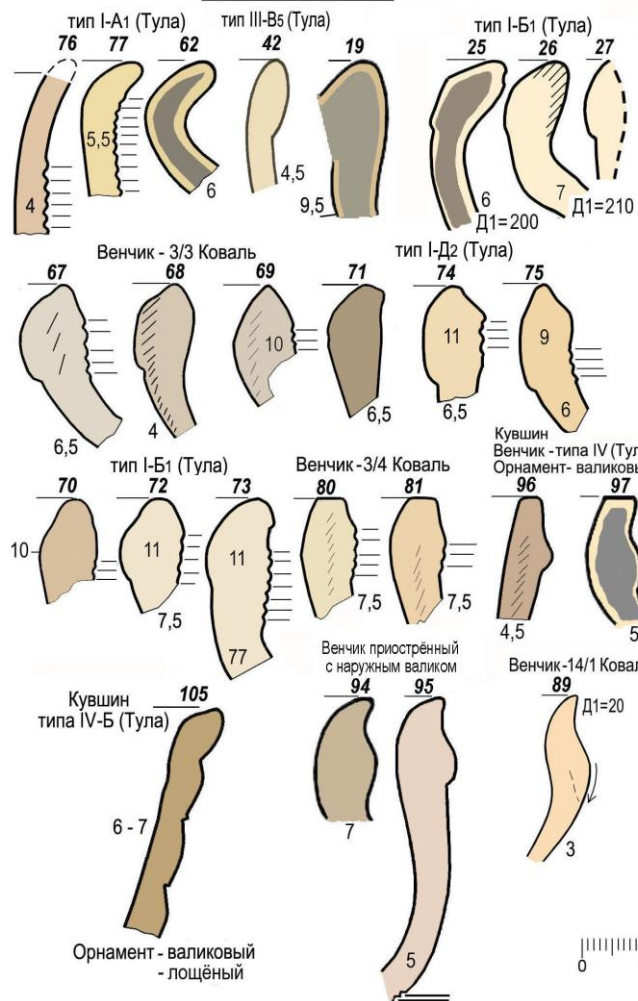

СЛИВ МИСКИ

ВЕНЧИКИ

**БЕЛОГЛИН. ГЛАДКАЯ
керамика XVII в.**

ВЕНЧИКИ

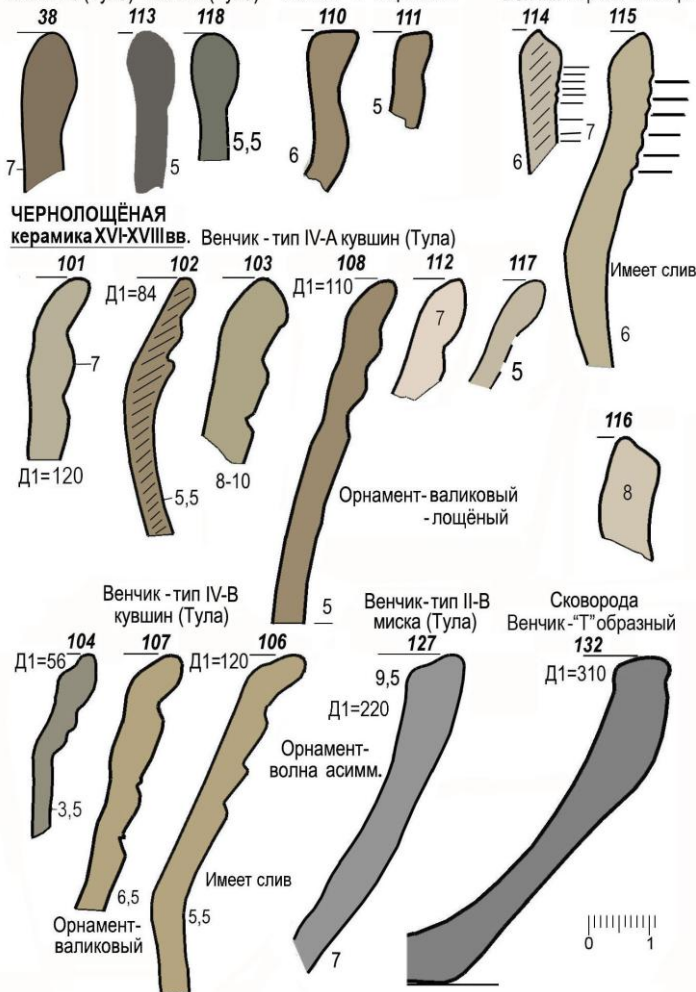
МОРЕНАЯ керамика XVI-XVIII вв.

тип III-B5 (Тула) тип I-Ж (Тула)

а) тип I-Ж (Тула)

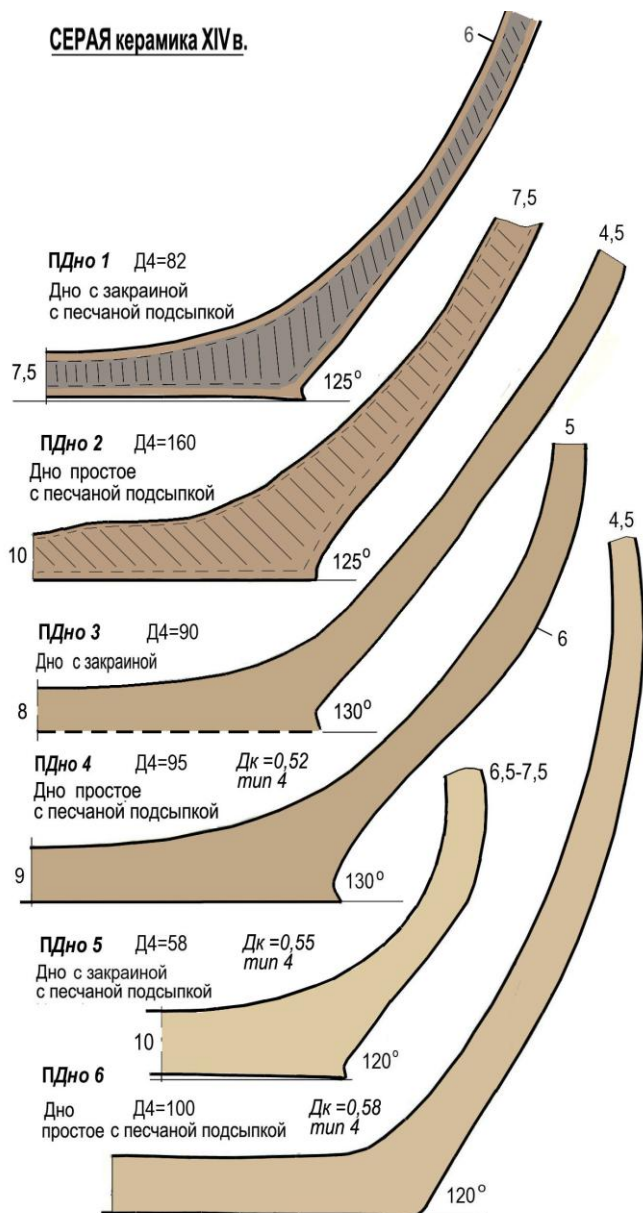
Венчик - "Г" образный

Венчик вертик.-заостр.

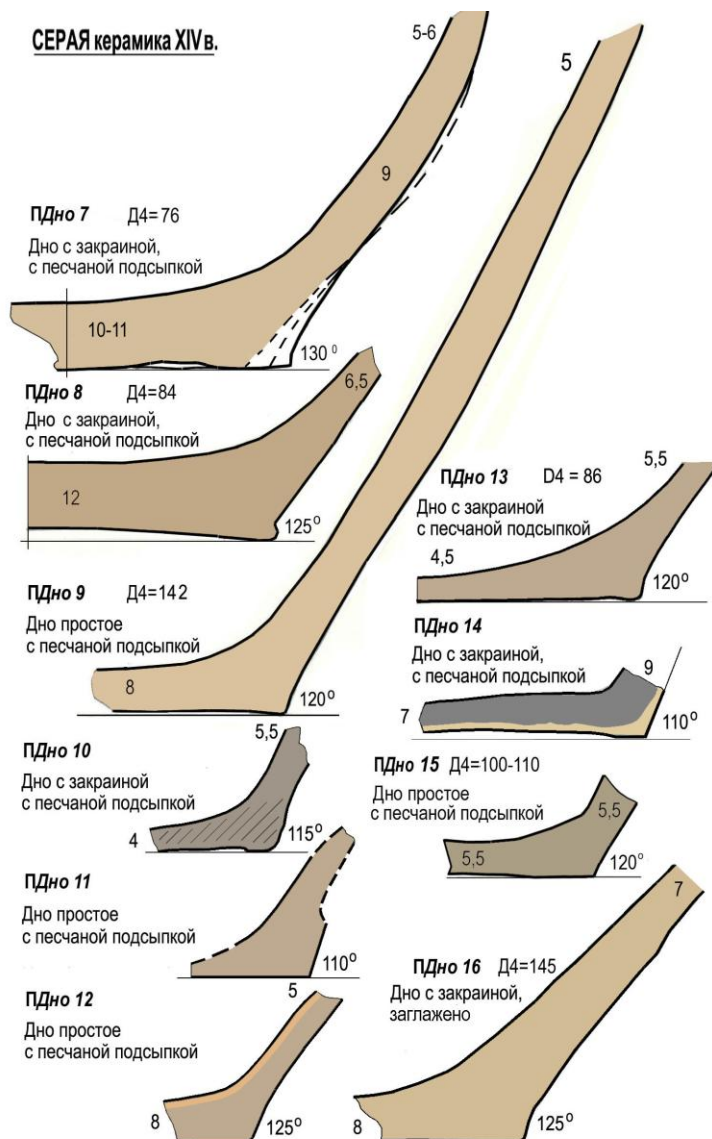

Накольчатый орнамент

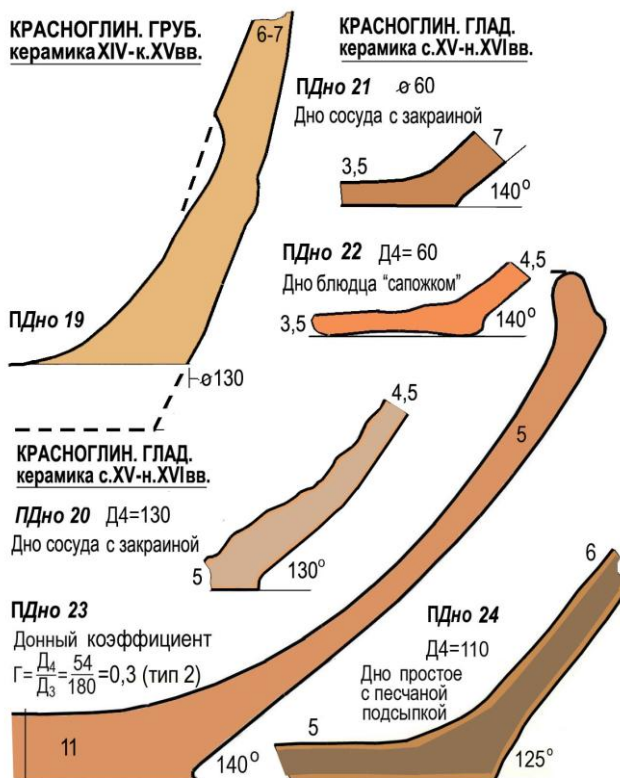
СЕРАЯ керамика XIV в.

СЕРАЯ керамика XIV в.

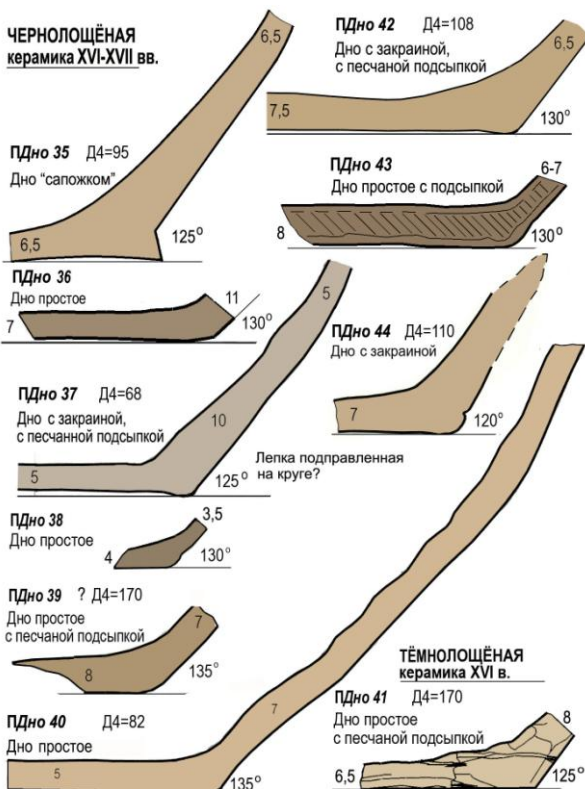

КРАСНОГЛИН. ГРУБ. керамика XIV-к.XV вв.

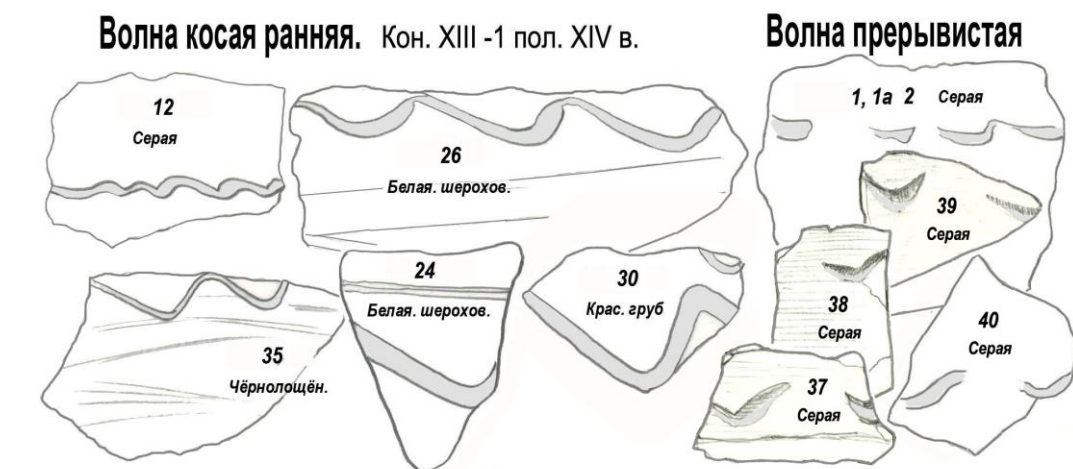

КРАСНОГЛИН. ГЛАД. керамика с.XV-н.XVI вв.

ЧЕРНОЛОЩЕНАЯ керамика XVI-XVII вв.

ТЁМНОЛОЩЕНАЯ керамика XVI в.

СИМСОН Павел Фёдорович (1845—1924) — русский педагог, директор Тверской, Калужской и Елецкой гимназий; краевед, историк, археограф и библиофил.

В 1862 году окончил 1-ю Московскую гимназию. В 1862 году поступил на историко-филологический факультет Московского университета, который окончил в 1866 году о степенью кандидата. Летом 1874 года П.Ф. Симсон был назначен на должность инспектора в четырехклассную мужскую прогимназию Серпухова.

С 11 апреля 1879 года — статский советник; 29 декабря 1882 года награждён орденом Св. Анны 2-й степени; 4 февраля 1883 года назначен директором Тверской гимназии, а 1 июня 1887 — директором Калужской гимназии; с 27 декабря 1887 года — действительный

статский советник; 1 января 1892 года награждён орденом Св. Владимира 3-й степени; 14 ноября 1892 года назначен директором Елецкой гимназии.

В 1894 году он был назначен директором Ржевской шестиклассной прогимназии (с 13 июня 1897 года — Ржевская гимназия). Одновременно он преподавал историю, латинский и русский языки, географию. В 1902 году директором Ржевской гимназии был назначен П. П. Стеблов.

В 1916 году (называются также 1915 и 1917 годы) в Ржеве открылся краеведческий исторический музей; в 1917 году состоялось открытие историко-археологического музея, основу которого составили коллекции московских учёных Воробьевых, а также П. Ф. Симсона, который стал его директором.

П. Ф. Симсон был почётным членом Калужской, Рязанской, Тверской архивных комиссий. Собрал богатую коллекцию книг, в которой были древние рукописи; составил каталог: «Описание рукописей, принадлежащих П.Ф. Симсону» (Тверь, 1903).

В период работы в Серпухове, П.Ф. Симсон написал уникальную книгу «История Серпухова в связи с Серпуховским княжеством и вообще с отечественной историею». В 2 ч. М., 1880. (Википедия).